

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Сѣверный Вѣстникъ“ и „Вѣстникъ Европы“,
іюнь.

Въ іюньской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ помѣщенъ этюдъ А. Чехова „Огни“, рисующій одно довольно заурядное въ нашемъ культурномъ кругу явленіе. Въ „Огняхъ“ А. Чеховъ коснулся слегка одного изъ болѣзненныхъ мѣстъ современности, вообще не бѣдной недугами всякаго рода.

Путешественники рассказываютъ про зулусовъ, что ихъ понятія о добрѣ и злѣ крайне просты: если у зулуса украдутъ жену — это въ его глазахъ зло, дурной поступокъ, а если ему, въ свою очередь, удастся украсть чью-либо жену, такъ это уже будетъ несомнѣнное добро. Не очень далеко отъ подобной первобытной морали ушли и люди современной культурной толпы; и они мѣряютъ добро и зло исключительно на свой личный аршинъ, такъ что каждый руководится ограниченными [указаніями своего личного житейскаго опыта вмѣсто того, чтобы исходить изъ ясныхъ и опредѣленныхъ общихъ принциповъ нравственности.

Въ „Огняхъ“ авторъ знакомитъ насъ, правда, только въ профиль, съ двумя характерными фигурами. Во первыхъ, мы видимъ инженера Ананьева, счастливаго супруга и вѣрнаго отца семейства, ревностно занятаго своею службой; затѣмъ, инженернаго студента фонъ-Штенберга, юношу, забѣсаемаго рефлексією, поглощен-

наго всецѣло мыслью о тѣтѣ и суетѣ всего земнаго и проникнутаго ужасомъ передъ неизбежною смертію и разрушеніемъ всего живущаго. Юный пессимистъ, впрочемъ, остается нѣсколько въ тѣни; явственнѣе выступаетъ фигура Ананьева.

Стремясь убѣдить своего молодого товарища во вредѣ пессимистическаго отношенія къ дѣйствительному міру, Ананьевъ обращается къ воспоминаніямъ собственной молодости и рассказываетъ поучительный, по его мнѣнію, эпизодъ изъ собственной жизни. Оказывается, что и онъ также въ пору своего студенчества былъ зараженъ пессимизмомъ и уныніемъ; результатомъ подобнаго настроенія, при отсутствіи правильнаго воспитанія, было полнѣйшее неуваженіе къ чужой личности и нравственная разнузданность. Въ особенности неблагоприятно относился въ эту пору Ананьевъ къ женщинамъ, оскорбляя, обманывая и обольщая ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Такъ, на примѣръ, встрѣтившись однажды въ провинціи, въ бытность студентомъ, съ бывшею слабостью своихъ юныхъ дней, Натальей Степановной, милой и симпатичной особой, теперь ставшею женою какого-то грубаго грека и не могущею похвалиться своимъ семейнымъ счастьемъ, Ананьевъ, не смотря на то полное довѣріе и уваженіе, которое высказываетъ по отношенію къ нему его бывшая подруга дѣтства, не смотря на то, что она явно превллоняется передъ его мнимую честностью, великодушіемъ и сердечностью, — не можетъ удержаться, чтобы не обольстить ее, пользуясь удобнымъ положеніемъ стараго друга. И только одумавшись, Ананьевъ понялъ всю неизменность своего поведенія, убѣдился, что его пессимистическое міросозерцаніе въ сущности вздоръ и самообольщеніе, что на самомъ дѣлѣ у него нѣтъ за душою ничего святаго, нѣтъ ни опредѣлен-

наго нравственного кодекса, ни сердца, ни разсудка. И все таки, ему понадобилось самому жениться и обзавестись дѣтьми, чтобы уразумѣть, наконецъ, вполне необходимость внимательнаго и человѣческаго отношенія къ женщинамъ и дѣвушкамъ. Не правда-ли, какъ этотъ инженеръ, который лишь тогда понялъ обязанности по отношенію къ чужимъ женамъ и дочерямъ, когда у него появилась своя жена и свои дѣти; не правда-ли, какъ онъ напоминаетъ первобытнаго зулуса, чувствующаго только то страданіе, которое наносится самому ему. Къ несчастью, подобными зулусами кишитъ наше общество; оно кишитъ людьми, ясно сознающими необходимость выполнения тѣхъ только нравственныхъ обязанностей, нарушение которыхъ прежде всего невыгодно отразится на ихъ личныхъ интересахъ.

Неудивительно, что краснорѣчивыя разглагольствованія почтеннѣйшаго Ананьева оставляютъ фонъ Штенберга холоднымъ; въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что нѣтъ никакой связи между пессимистическимъ міросозерцаніемъ и негодяйствомъ, очевидно, что не потому Ананьевъ творилъ зло, что придерживался, будто-бы, пессимистическихъ воззрѣній, а потому, что сердце его было мертво, холодно и неразвито, не способно откликаться на чужое страданіе, потому, что воля его не получила своевременно нравственнаго закала. Если-бы пессимизмъ его вытекалъ изъ убѣжденія въ громадности міроваго зла, изъ сочувствія къ людскому горю, а не былъ-бы простымъ умственнымъ раздраженіемъ, то у него не хватило-бы духа прибавлять и съ своей стороны каплю горечи въ общую чашу скорбей. И теперешняго его добродѣтель, какъ весьма узкая и сомнительнаго свойства, способна развѣ еще сильнѣе укрѣпить переживающаго моментъ нравственнаго и умственнаго колебанія юношу въ скло-

ности къ пессимизму, лишній разъ обнаруживая всю глубину людскаго эгоизма, шаткое основаніе и условное значеніе добродѣтелей и пороковъ человѣка толпы, скорѣе подчиняющагося животнымъ инстинктамъ, чѣмъ побужденіямъ нравственнаго характера.

Тема, затронутая г. Чеховымъ, очень богата и жизненна. Авторъ заканчиваетъ свой эюдъ словами: „ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ“. И дѣйствительно, зло и добро такъ переплелись между собою, что иногда стоитъ большаго труда оцѣнить ихъ достоинству и опредѣлить ихъ взаимную связь. Но г. Чеховъ въ своемъ очеркѣ даетъ одинъ только слабый намекъ на извѣстныя душевныя движенія; для того, чтобы прослѣдить процессъ перевоспитанія человѣка жизнью въ данномъ направленіи, для того, чтобы дать ясную и живую картину эволюціи нравственнаго чувства, обусловливаемой жизненнымъ опытомъ, этимъ всегдашнимъ умомъ глупцевъ, для этого понадобилось бы и больше красокъ, и больше художественной законченности, и больше мѣста, и больше времени. Впрочемъ, нужно отдать справедливость г. Чехову: образъ Ананьева воспроизведенъ съ тактомъ и выступаетъ передъ читателемъ хотя въ общихъ, но вполне опредѣленныхъ чертахъ; совершенно вѣрно подмѣчено авторомъ, что Ананьевъ, причинившій на своемъ вѣку столько зла, человекъ отъ природы не злой и не сухой: онъ настолько сострадателенъ, что жалѣетъ своего больнаго пса. И если онъ, чувствительный къ страданіямъ пса, оказывался часто немилосерднымъ къ людямъ, такъ это всецѣло нужно приписать вліянію безпорядочнаго воспитанія.

Въ той-же книгѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ появилось начало повѣсти П. Засодимскаго „Пѣсня спѣта“. Написана повѣсть въ обычномъ г. Засодимскому, симпатичномъ духѣ. Авторъ не часто дебю-

Веневич

В. К. Стукалич
изд.: Л. Добровольский
Библ.-р. о С.-И. Сергеевѣ, №-1, 1961
с. 185